

Эхо испытания на Осеннем омуте, подобно камню, брошенному в гладь озера, пошло кругами по казавшейся тихой жизни Линь Юньсю. Оценка высшего ранга сделала её известной среди внешних учеников, и теперь она то и дело ловила на себе взгляды — то завистливые, то пытливые. Однако ей было не до того: все её помыслы занимали две вещи: слова Цзян Шуин, вскрывшие её затаенное нежелание мириться с судьбой, и покоящийся на груди нефритовый кулон в форме синей птицы, который хранил молчание с самого момента её проникновения в Павильон Цюньсяо.

Этот кулон был символом её статуса как наследницы горы Сюаньцзин, лично выкованным отцом, Линь Цинфэном. Внутри была заключена особая передающая формация, которую можно было активировать лишь с помощью ключевой техники горы Сюаньцзин — Искусства Зеркального Сердца. Кроме того, на определенном расстоянии кулон мог резонировать со своей парой. После исчезновения отца дочерний кулон тоже перестал подавать признаки жизни, и этот, главный, остался для неё единственной надеждой и напоминанием.

В последнее время она бесчисленное количество раз пыталась тайно пробудить кулон с помощью Искусства Зеркального Сердца, но в ответ неизменно получала лишь мертвую тишину. Однако глубокой ночью, на третьи сутки после испытания, случилось невероятное.

Она сидела в своей комнате, медитируя, и даже не пыталась использовать технику, как вдруг кулон на груди без всякого предупреждения стал едва ощутимо теплым! Жар исчез так быстро, что показался лишь игрой воображения, но Линь Юньсю в мгновение ока пришла в себя.

Она поспешно достала кулон и зажала его в ладонях. В лунном свете нефрит отливал мягким блеском, никакой духовной энергии не чувствовалось, словно тепло было лишь иллюзией. Но она знала — это не так! Острота чувств, дарованная Искусством Зеркального Сердца, не могла её подвести!

Неужели дочерний кулон активировали? Где-то там? Отец... он жив? Или тот, у кого находится парный кулон, пытается связаться с ней?

Волна огромного волнения и надежды вмиг смела её сдержанность и осторожность, копившиеся днями. Не раздумывая, она начала вращать Искусство Зеркального Сердца, осторожно направляя тонкую, чистую нить своей внутренней силы, исконно принадлежащей горе Сюаньцзин, в нефритового кулон.

Сначала кулон никак не отреагировал, и когда Линь Юньсю уже была готова впасть в отчаяние, внутри теплого камня внезапно вспыхнуло крошечное, слабое, подобное пламени свечи на ветру, синеватое свечение! Оно мерцало, готовое погаснуть в любую секунду, и в нем промелькнули невероятно размытые, обрывочные образы:

Это была... сплошная непроглядная тьма? Едва угадывались очертания цепей? А еще чей-то смутный, искаженный какой-то силой, но такой знакомый профиль...

Отец?!

Сердце Линь Юньсю едва не выпрыгнуло из груди. Она из последних сил влиwała энергию в технику, пытаясь стабилизировать сияние, чтобы рассмотреть детали и уловить хоть какую-то информацию.

Однако видение продержалось меньше трех мгновений, прежде чем его словно сдавили невидимой рукой. Свет резко погас, кулон вновь стал холодным, не откликаясь ни на какие усилия. Как бы она ни старалась, всё было тщетно.

— Нет... не надо! — выдохнула Линь Юньсю, с силой сжав кулон так, что побелели костяшки пальцев. Тот мимолетный размытый образ вонзился в её сердце, словно ядовитый шип. Тьма, цепи... отец действительно в беде! Он там! Он жив!

Но где он? Образ был слишком нечетким, фон не разобрать, и единственное, в чем можно было не сомневаться — сила, мешавшая передаче, была невероятно мощной и зловещей. Это было не обычное место.

После всплеска возбуждения навалились бесконечная тревога и гнетущая беспомощность. Стоило ей получить крошечную зацепку, как она тут же ускользнула, лишь яснее показав, в какой смертельной опасности находится отец и как ничтожно её собственное могущество.

Ей нужно как можно скорее узнать больше! Кто в Павильоне Цюньсяо может ей помочь? Глава павильона явно что-то знает, но хранит молчание. А Цзян Шуин... смогут ли её глаза, способные видеть нити судьбы, разглядеть причину и следствие, скрытые за этим кулоном?

Эта мысль, стоило ей появиться, стала навязчивой. Несмотря на загадочность Цзян Шуин и недавнее предупреждение в бамбуковой роще, сейчас Линь Юньсю чувствовала себя утопающим, готовым ухватиться за любую соломинку.

На следующий день она под благовидным предлогом направилась к той части бамбуковой рощи, где практиковалась Цзян Шуин. Она не знала, с чего начать и станет ли вообще Цзян Шуин слушать её странную просьбу.

В тот момент, когда она уже колебалась, из глубины рощи донеслись холодные, чистые звуки цитры.

Музыка текла, подобно ледяному источнику в горном ущелье, наполненная одиночеством и отрешенностью. Звуки струн, казалось, могли усмирить любую тревогу, но в них сквозила печаль человека, познавшего всю бренность мира.

Линь Юньсю, ведомая мелодией, сама не заметив как, вошла в рощу.

На той же поляне, что и всегда, на синем камне сидела Цзян Шуин. На коленях у неё лежала цитра, тонкие пальцы касались струн, а глаза были прикрыты белой повязкой. Она была сосредоточена и отстранена. Солнечный свет, пробиваясь сквозь листву, ложился на неё пятнами, и музыка в сочетании с шелестом бамбука создавала картину, далекую от мирской суеты.

Линь Юньсю замерла в тени бамбука, не решаясь помешать. Глядя на Цзян Шуин, она видела лишь её полную поглощенность игрой, словно во всем мире не осталось ничего, кроме неё и инструмента. В этот миг её привычная ледяная холодность немного отступила, сменившись чем-то вроде хрупкого, отгороженного от мира спокойствия.

Мелодия смолкла, и эхо её еще долго растворялось в глубине рощи.

Цзян Шуин прижала руки к струнам, обрывая звук. Она не подняла головы, но уже знала о присутствии Линь Юньсю.

— Что случилось? — её голос звучал так же холодно, как и музыка.

Линь Юньсю глубоко вдохнула, подошла ближе, достала из-за пазухи кулон и протянула его обеими руками. Она решила говорить прямо: перед этой старшей сестрой, способной видеть судьбы, любые уловки были бы бесполезны.

— Старшая сестра, — её голос от волнения слегка охрип, — у меня есть фамильный кулон. Прошлой ночью он внезапно проявил признаки жизни, показав туманные образы, связанные с моим давно пропавшим родственником. Моя сила слишком мала, чтобы узнать больше. Вы обладаете пронизательным взором, не могли бы вы... не могли бы вы взглянуть? Можете ли вы сказать, куда указывают эти образы? Мой родственник... жив он или мертв?

Она пристально смотрела на белую повязку, закрывающую глаза Цзян Шуин, и сердце её колотилось, словно барабан.

Цзян Шуин молчала. Лицо, скрытое за тканью, не выражало никаких эмоций. Она не взяла кулон, лишь слегка наклонила голову, словно прислушиваясь к остаточному дыханию артефакта.

В роще царил тишина, слышался лишь шорох листвы на ветру.

Прошло много времени — так много, что Линь Юньсю уже почти отчаялась, когда Цзян Шуин наконец заговорила:

— Этот предмет тесно связан с кармой. Его окутывает слой... мощной маскирующей силы.

В её голосе звучала едва уловимая тяжесть.

— Маскирующей силы? — поспешно спросила Линь Юньсю. — Даже вы не можете её пронзить?

Цзян Шуин слегка покачала головой:

— Дело не в том, что я не могу. Нельзя.

Она подняла руку и, не касаясь кулона, повела пальцами в воздухе. В этот момент Линь Юньсю показалось, что вокруг кулона сплелись бесчисленные тонкие, хаотичные и зловещие серо-черные нити. Они образовали плотный кокон, намертво окутывающий и изолирующий сердцевину артефакта. От этих нитей исходило ощущение ледяного холода, до боли знакомое — такое же, как от тех, что она видела в городе Гравия, но только еще более чистое и ядовитое.

— «Скрывающие небо тайные письма» секты Тайхуа... — прошептала Цзян Шуин, и голос её стал ледяным. — Тот, кто связан с этим предметом, находится в месте, которое полностью отрезано от мира этими письмами. Попытка насильственного проникновения не только ничего не даст, но и всполошит врага, а также может навлечь... непредсказуемый откат.

Секта Тайхуа! Снова секта Тайхуа!

Линь Юньсю словно провалилась в ледяную бездну. Отец действительно попал в их руки! И его удерживают столь изощренным способом! Зачем им это? Какая вражда связывает отца и секту Тайхуа?

— Старшая сестра! — голос Линь Юньсю дрожал от мольбы. — Прошу, направьте меня! Что мне делать? Как мне найти его?

Цзян Шуин опустила руку, и призрачные нити исчезли. Она «посмотрела» на Линь Юньсю, и за повязкой, казалось, её взгляд пронзал насквозь всю её тревогу и отчаяние, видя то самое упорство и нежелание мириться с судьбой, что глубоко засели в её душе.

— Карма — это сеть, стоит потянуть за одну нить, и придет в движение всё, — её голос оставался ровным, но в нем появилось нечто невыразимое. — Время еще не пришло, и суета бесполезна. Совершенствуйся и жди перемен.

Снова «время не пришло»! Ответ в точности такой же, как у главы павильона!

Линь Юньсю охватили бессилие и гнев, но она понимала, что Цзян Шуин говорит правду. Если даже она опасается ответного удара «скрывающих небо тайных писем», то что может сделать ученица на начальной стадии возведения фундамента?

Она с опустошенным видом спрятала кулон, сжимая его в ладони — холодный металл немного привел её в чувство.

— Благодарю за ответ, старшая сестра, — глухо произнесла она.

Когда она уже собралась уходить, Цзян Шуин внезапно заговорила снова, и голос её был таким тихим, что почти слился с ветром:

— Синяя птица... вестник. Раз это фамильная вещь, возможно, стоит попробовать... использовать кровь как проводник, а волю как мост. В час перехода от полночи к полудню, когда приливы духовной энергии наиболее сильны, быть может... удастся уловить мгновение.

Линь Юньсю резко обернулась, не веря своим ушам.

Она... дает ей совет? Рискуя столкнуться с откатом «скрывающих небо тайных писем», она указала ей путь, который, возможно, сработает?

Цзян Шуин уже снова положила руки на струны, её профиль был по-прежнему холоден и отстранен, словно она не произносила этих слов.

— Ступай.

Линь Юньсю долго смотрела на неё, навсегда запечатлевая в памяти метод «кровь как проводник, воля как мост, час перехода», поклонилась и, больше не проронив ни слова, быстро зашагала прочь.

Кулон в её руке больше не казался таким холодным и безнадежным. Пусть впереди всё еще густой туман и враги, но, по крайней мере, она больше не блуждает вслепую в полном одиночестве.

Цзян Шуин, старшая сестра Павильона Цюнься, её соперница, в этот миг стала для неё дрожащим, но реальным огоньком на темном пути поисков.

Роща была глубока, музыка больше не звучала. Цзян Шуин долго сидела неподвижно. Под белой повязкой, в её глазах с двойными зрачками, отражались бесчисленные переплетенные нити судеб. Одна из них была тесно связана с тем самым кулоном и с девушкой, которой она только что дала совет, и вела она в бездонную, окутанную зловещим роком тьму.

Она слегка дернула струну, издав одинокий, чистый, но полный тоски звук.

— Рок... — едва слышный вздох растворился в ветре.